

*А.Малюк,
кандидат социологических наук*

О СОСТОЯНИИ ДЕМОКРАТИИ В УКРАИНЕ

Среди наиболее весомых достижений Украины за годы независимости нередко называется создание демократической политической системы, которая, в отличие от советского “тоталитарного” режима, реально обеспечивает гражданам все охватываемые понятием “демократия” права и свободы. Такое же мнение можно встретить в иностранных СМИ или услышать от официальных представителей иностранных государств и неправительственных организаций. Например, в принятой Сенатом США 21 сентября 2007 г., то есть накануне внеочередных выборов народных депутатов Украины, резолюции, в которой американские сенаторы призывают народ Украины сохранять демократические достижения “оранжевой революции” 2004 г., социально-политическая система Украины была признана именно демократической системой, где “решения принимаются без насилия и путем честных и свободных выборов” [1].

Но наряду с такими можно встретить и оценки, в которых выражается сомнение в действительно демократическом характере Украинского государства. Вероятно, указанное различие в оценках связано с тем, что их авторы в понятие демократии вкладывают различный смысл и по-разному трактуют суть феномена демократии. В связи с этим возникает вопрос, как именно граждане Украины оценивают состояние демократии в Украине, какой смысл вкладывают в само понятие демократии и какое это имеет значение для социально-политического развития Украины?

Формально-процедурная теория демократии, разработанная западными либеральными теоретиками после Второй мировой войны, перенесла акцент с осуществления

воли народа, по отношению к которой так называемый демократический метод является только средством ее реализации, на сам этот метод как процесс формирования правящих элит, по отношению к которому средством выступает уже сам народ. Иначе говоря, она фактически отказалась рассматривать демократию как осуществление воли народа посредством правления народа и считать важнейшим условием существования демократической системы обеспечение условий максимального участия масс в принятии решений. Она, наоборот, выдвинула в центр демократического процесса не осуществление народовластия, а формирование правящей элиты, в руках которой сосредоточена реальная власть. Гражданам же, участие которых в политике ограничено процедурой голосования, она отводит пассивную роль объекта политической активности элит. Исходя из этого, массы следовало бы рассматривать не как полноценных субъектов политической жизни, а как разновидность ресурсов, находящихся в распоряжении групп элиты. Она, следовательно, представляет собой по сути *элитистскую* интерпретацию демократии. И хотя американские либеральные теоретики утверждали, что демократия предполагает контроль народа над элитами, такие утверждения скрывали более важную идею, что власть должна принадлежать элитам. Демократия при этом превращается в метод, с помощью которого властвующая элита обеспечивает собственную легитимность посредством процедуры манипулируемых выборов и формирует корпус своих представителей.

В данном случае властвующие элиты должны рассматриваться в соответствии с марксистским классовым подходом как сформированные правящими классами экономически господствующие, политически правящие и идеологически доминирующие относительно замкнутые социальные группы, объединенные прочными внутренними (формальными и неформальными, политическими, деловыми, личными, семейными и т.д.) связями, обладаю-

щие наиболее высоким социальным статусом и наибольшей способностью в соответствии со своими интересами влиять на политическую жизнь общества. Это та часть правящих классов, которая наиболее четко осознает их интересы и формулирует их волю, разрабатывает механизмы и стратегию ее реализации, осуществляет функцию их политического представительства и непосредственно занимается организацией классовой борьбы (способ и условие реализации классовых интересов), включающей в себя, с одной стороны, преодоление сопротивления, подавление политических противников, с другой – поиск и создание социальной базы массовой поддержки.

В состав властвующих элит входят взаимно переплетающиеся наиболее влиятельные круги крупного бизнеса, государственной бюрократии (включая силовые ведомства), главы и распорядители СМИ, руководящих центров политических сил (движений и партий), идеологи (интеллектуалы и представители мира искусства), представители научно-экспертного сообщества, члены криминальных группировок. Вся совокупность властвующих элит составляет властвующее сообщество. Подлинным центром властвующей элиты выступает финансовый капитал, который является движущей силой неолиберальной глобализации, усиливающей его господство над капиталистической системой в целом.

Проблема анализа властвующей элиты, особенно развивающихся стран и стран с так называемой переходной экономикой, таких как Украина, заключается в том, что в условиях транснационализации финансового капитала властвующая элита не может быть просто “национальной” властвующей элитой. Ее интересы, связи и структурное положение обусловлено обескровливающим страну вывозом капитала, бросаемого в игру в экономике глобального казино. Переплетаясь с западным финансовым капиталом в транснациональную финансовую олигархию, финансовые группы страны занимают в ее структуре подчиненное положение и превращаются в компрадорскую властвующую

элиты, проводника интересов евроатлантических центров накопления капитала и сторонников глобально-имперского проекта США как конечного гаранта всей системы в целом. Роль модели элитистской демократии заключается в обеспечении власти и воспроизводства власти этой элиты, что является начальной и конечной точкой всего демократического процесса.

При анализе элитистской модели демократии невозможно обойти стороной ее воздействие на сферу взаимоотношений индивидов и групп по поводу распределения и перераспределения статусных позиций в системе общественных взаимодействий, составляющее социальный аспект проблемы. Отличительной особенностью элитистского толкования демократии выступает стремление изолировать сферу политических отношений от социальных и ограничить действия демократии исключительно политической сферой и даже в этой сфере демократическое участие масс также определить очень узко.

Но что означает исключение социального аспекта из формального понимания демократии? Ведь учитывая тот тривиальный общеизвестный факт, что в капиталистическом обществе существует неравное распределение материальных и культурных ресурсов между классами и социальными группами, условие равенства политического участия и возможностей влиять на принятие решений остается недостижимым, поскольку результаты «политического соперничества» будут определяться использованием экономических и материальных возможностей, связанных с обладанием более высоким социальным статусом. Таким образом, доминирование в политике индивидов и групп, обладающих высоким социальным статусом, может эффективно обеспечиваться наличием финансовых барьеров, за которыми открываются возможности участия в политической борьбе. Их высота такова, что они эффективно исключают из участия в политической борьбе в соответствии с конституционными процедурами значительные социальные сегменты, порождая ситуацию социально

неадекватного политического представительства. Фактически происходит узурпация представительства, при котором группы с более высоким социальным статусом (элиты) присваивают себе право представлять другие группы, которые вынуждены согласиться на него в обмен на минимальное удовлетворение их требований. Те же социально-политические силы, которые выражают интересы социальных низов и связаны с ними социальным происхождением, устраниваются из “политического процесса”: их ресурсы (если только нет внешних источников финансирования) недостаточны для ведения эффективных политических кампаний, они не обладают доступом к СМИ, не могут оплатить услуги экспертов, они уязвимы перед лицом организационных манипуляций со стороны власти имущих, подвержены инфильтрации и т.д.

Таким образом, политико-экономические элиты устанавливают монополию на политическое представительство и управление обществом. Поэтому элитистскую демократию, по всей видимости, правильно было бы определить как систему правления, при которой реальная власть принадлежит группам финансово-политической элиты (олигархии), внутри которой существует консенсус относительно желательного социального и экономического порядка, в то время как участие масс в управлении обществом ограничено электоральным процессом, которым эти элиты манипулируют и который они направляют. Это фактически система выборов без выбора, ибо консенсус между конкурирующими элитами устанавливает четкие границы, в которых возможно ведение политической борьбы, легитимные формы которой не должны выводить за рамки существующего социального порядка. Проекты же, выдвигающие радикальную альтернативу существующему социальному устройству и требующие фундаментального преобразования социума, доводятся до состояния политически маргинальных. Учитывая наличие межэлитного консенсуса по фундаментальным проблемам социального устройства, плюралистические элиты на фундаментальном

уровне сохраняют монолитность ничуть не меньшую, чем элиты при однопартийных режимах.

Тщательное устранение социальных аспектов из предмета рассмотрения демократической теории означает, что основной целью элитистского дискурса демократии и соответствующей ему системы элитистской демократии является сохранение стабильности и преемственности существующего социального и политического порядка, сохранение существующей системы распределения социальных статусов. То есть по отношению к социальной реальности капиталистического общества элитистская демократия выполняет институциональную и идеологическую защитные функции. С одной стороны, она создает институциональные механизмы, ограничивающие возможности социальных изменений, подменяя борьбу за выбор социальных альтернатив персонифицированной электоральной конкуренцией представителей групп элиты. По выражению египетского экономиста С.Амина, “демократическая жизнь таким образом лишается своего содержания, и открывается дорога к тому, что я называю “демократией низкой интенсивности”, то есть к избирательной клоунаде, где парады с тамбурмажорами заменяют политические программы, к “обществу спектакля” [2, с. 30]. С другой стороны, маскируя недемократическое содержание формально демократического процесса, утверждая политико-юридическое равенство отдельных индивидов, он осуществляет функцию легитимации существующего социального неравенства. Система элитистской демократии выступает средством социального контроля элит над группами с более низким социальным статусом, позволяющим удерживать их от выдвижения требований альтернативного социального порядка. В конечном итоге подобный режим “демократии низкой интенсивности” представляет собой, по сути, латентный гражданский “конфликт низкой интенсивности”, в котором контролируемые государственный аппарат капиталистические элиты ведут борьбу против трудящихся классов за обеспечение стабильности своего положения, власти и привилегий.

Исходя из сказанного, не будет большим преувеличением утверждать, что разработанные после Второй мировой войны элитистские теории демократии на самом деле являются теориями олигархического правления, поскольку имплицитно предполагают, что управление обществом является вопросом компромиссов (“пактов”, “кооптаций”, “консенсусов”) между правящими элитами, то есть олигархическими группами, и, в гораздо меньшей степени, компромиссов с управляемыми.

Если же демократию не сводить только к процедурным договоренностям, которые остаются безразличными к тому влиянию, которое глубокие социальные противоречия, социальная поляризация и неравенство оказывают на характер политического процесса, а учитывать содержательный аспект проблемы, следует признать, что демократия предполагает создание таких социальных условий, при которых на данной ступени исторического развития обеспечено благосостояние всех членов общества и фундаментальное социальное равенство, которое одно только и создает возможность полного всестороннего развития уникальных личностей и гармонического сочетания бесконечного множества пространств личной свободы. Намерение навязать общественному сознанию элитистское понимание демократии, сводящего ее к формальным процедурным соглашениям, превращающего демократию в техническую проблему, в метод формирования правительства как нормальное и единственно возможное отражает узкий масштаб и пределы демократизации при капитализме.

Проблема выбора между проектами элитистской и субстанциональной демократии как никогда остро стоит перед человечеством в начале XXI в. Устранение одной конкретной формы реализации проекта субстанциональной демократии – Советского Союза – не означает, что устранена выраженная в нем альтернатива. Ибо сохранены конечные и действующие причины, социальные условия, порождающие как социальное неравенство, исключение и эксплуа-

тацию, так и силы, ведущие борьбу за их преодоление. Сохранено противоречие между демократическими, эгалитаристскими устремлениями масс и железными законами капиталистического накопления, неизбежно порождающими социальную поляризацию. “Либеральная демократия” выступает попыткой разрешить это противоречие в интересах правящих классов.

Стоит перед подобным выбором и украинское общество. После развала СССР украинское властвующее сообщество в качестве инструмента социальных преобразований избрало имитацию западной модели развития. В результате в Украину были трансплантированы, с одной стороны (под видом социально ориентированной рыночной экономики), деструктивная с социальной точки зрения неолиберальная экономическая модель, в основе которой лежат монетаристские методы регулирования экономики, предполагавшие резкое сокращение государственного регулирования, торговую и финансовую либерализацию, создание капиталистической частной собственности, резкое сокращение социальных расходов и программ, с другой – элитистская модель демократии со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Украине имелись необходимые предпосылки и возможности углубления демократизации посредством развития советской формы демократии и передачи всей полноты власти территориальным советам и превращения советов трудовых коллективов в полноценные органы управления предприятиями. Однако передача функции основных держателей власти территориальным советам и советам трудовых коллективов как органам территориального и производственного народного самоуправления противоречило вектору неолиберальных рыночных реформ, результатом которых на всем “постсоциалистическом” пространстве было установление капитализма периферийного типа (цена включения в глобальное социально-экономическое пространство).

В результате в Украине формально возникла многопартийная система, с ее атрибутами в виде политической

конкуренции между партиями и кандидатами, формально утвердилось разделение властей и формально декларировалось уважение к гражданским и политическим свободам. В то же время политическая система находится под контролем конгломератов тесно переплетенных бюрократических и бизнес-элит, образующих так называемые олигархические кланы. В результате оказывается выхолащенной суть демократии – возможность осуществления альтернативного социального выбора, поиска альтернативных социальных моделей развития. При наличии множества партий и претендентов на занятие позиций, позволяющих принимать решения, фактически альтернативы не существует, так как доминирующие политические силы представляют один социальный выбор. И даже если какое-либо антисистемное движение получает определенные возможности политического представительства, эффект в любом случае будет минимальным, ибо действительная власть находится за пределами представительных учреждений – в руках крупных капиталистических собственников, эффемически именуемых “рынком”. Выбор сводится к периодической замене тех, кто заседает в парламенте и правительстве и всегда вынужден подчиняться велению “рынка”, интересам “инвесторов”.

Выхолащивание демократических институтов не является особенностью политической жизни одной Украины. В условиях неолиберальной глобализации это повсеместный процесс, охватывающий как периферию, так и центры мировой капиталистической системы, порождающий то, что принято называть “кризисом демократии”. В основе этого кризиса – неспособность либеральной демократии разрешать усугубляемые неолиберализмом социальные противоречия и вытекающее отсюда массовое разочарование в ней. Проявлением этого кризиса является характерная как для индустриально-развитых, так и “развивающихся” стран политическая апатия и абсентеизм, то есть фактический отказ от участия в официальных формально-демократических процедурах, а также рост недоверия к

официальным “демократически” сформированным органам власти.

Все это обуславливает еще одно проявление кризиса демократии – ставшей нередкой неспособности “демократических” режимов обеспечить социально-политическую стабильность и разрешать социально-политические кризисы в рамках официальных конституционных процедур. Дело в том, что разочарование демократической политикой в контексте неолиберализации экономики и общества, сопровождающейся растущим социальным исключением, эксплуатацией и деградацией, порождает стремление найти выход в иных формах политической активности, например, таких как демократия прямого действия – народной мобилизации, направленной на принуждение элит к выполнению требований народных масс. История последнего десятилетия полна эпизодов социальной мобилизации в форме альтерглобалистского, антивоенного, рабочего, экологического и феминистских движений, имеющих тенденцию к слиянию в борьбе против последствий неолиберальной глобализации.

Политические кризисы являются неотъемлемой чертой политической жизни восточноевропейских стран. Как отмечает Колин Кроуч, исследовавший современное состояние демократии, в настоящее время мы живем в четко выраженную “постдемократическую эпоху”, характеризующуюся “усталостью, фрустрацией и разочарованием, наступившими после момента демократии”. Теперь “интересы могущественного меньшинства стали играть гораздо более активную роль, чем интересы массы обычных людей...; политические элиты научились управлять и манипулировать народными требованиями”, а глобальные фирмы стали основными акторами современного капиталистического общества [3, с. 18–19].

Социологические опросы, фиксируя ощущение гражданами Украины своей неспособности влиять на решения власти ни на общегосударственном, ни на локальном уровне, дают достаточно оснований утверждать, что в Украине

создан режим именно элитистской демократии. Большинство населения Украины не считает, что выборы являются механизмом действительного влияния граждан на власть, обеспечивающим ответственность элит перед народом. Согласно данным исследования “Громадська думка в Україні–2007”, большинство (73,4%) не считает, что в период между выборами страна управляется в соответствии с волей народа (так думают только 8,2 % граждан); 18,2 % не смогли ответить на этот вопрос), и подвергает сомнению демократичность самой процедуры выборов. Только 13,6% граждан согласились с тем, что выборы в нашей стране являются свободными и честными, основная же масса (69,5%) так не считает, и еще 16,8% затруднились ответить на этот вопрос.

Нормой политической жизни остается низкий уровень участия граждан в общественных организациях – основе гражданского общества. Похоже, они вообще являются чисто верхушечным феноменом, не затрагивающим основной массы населения. По данным указанного исследования, 87,2% граждан Украины не принадлежат ни к одной из общественных или политических организаций, только 3% являются членами политических партий, 0,3 % – членами общественно-политических движений, 1,1% – общественных организаций. При этом для общественного сознания был и остается характерным низкий уровень доверия ко всем ветвям власти, что является признаком слабой легитимности государства, а следовательно, системы правления элит. В таком отношении к государству, впрочем, нет ничего удивительного, ибо институты элитистской демократии проявляют полнейшее равнодушие к социальной ситуации, характеризующейся ростом разрыва между бедными и богатыми, снижением уровня жизни большинства населения Украины.

Нет ничего необычного и в том, что среди наиболее характерных признаков текущей жизни в Украине на первое место граждане поставили взяточничество и коррупцию (51,3 %), политическую нестабильность (43,3 %),

развал экономики (40,3%), обнищание населения (32,2%), бездуховность (23%). На демократию как на важный признак жизни в Украине указали только 8,7%, а на связанные с этим понятием признаки, такие как простор для инициативы, свободу выбора – 3,3%, возможность работать на себя, собственное дело – 14,3%. Только свободу слова отметили 22,6%.

Таким образом, можно сделать вывод, что граждане Украины в целом не оценивают политическую систему в стране как действительно обеспечивающую реальную демократию. Что, в общем, понятно, ибо заимствованная модель “демократии низкой интенсивности” изначально проектировалась как инструмент ограничения демократии реальной. Из сказанного также можно сделать вывод о разрыве в оценке демократического характера украинского общества между элитами и массами. В то время как большинство граждан невысоко оценивает демократический прогресс Украины даже в политической сфере, не говоря уже о социальной и экономической, официальные лица, лидеры просистемных партий и контролируемые капиталистическими элитами СМИ исходят как из аксиомы о построении демократического режима в Украине.

Подобная разница в оценках, скорее всего, объясняется тем, что под демократией олигархические группы и массы граждан понимают различные вещи. С высокой долей уверенности можно говорить о том, что для олигархических групп желательной формой демократии выступает элитистская модель демократии, сводящая участие рядовых граждан к выбору из предложенного им элитами набора альтернатив.

Граждане Украины прекрасно отдают себе отчет, что навязываемая модель формальной демократии скрывает за собой власть олигархии. Однако субстанциональное понимание демократии, включающее в число своих атрибутов направленность и определенное качество социального развития (прогрессивное развитие сферы социальной жизни, предполагающее улучшение уровня и качества жизни,

рост социального равенства и социальной справедливости) вступает в противоречие с неолиберальным курсом рыночных реформ, по которому Украина движется практически с момента обретения независимости, и который оказывает катастрофическое воздействие на состояние социальной сферы украинского общества. Неолиберальный проект, осуществляемый коалицией украинских правящих классов и международного капитала с целью насаждения капитализма, углубляя социальное и экономическое неравенство, еще сильнее выхолащивает элементы демократии из формально-демократических процедур. Поэтому по мере углубления неолиберализации украинского общества борьба за социальный выбор между двумя моделями демократии и идеологическая борьба за определение содержания понятия демократии будет обостряться. Более того, реализация проекта субстанциональной демократии будет неизбежно связана с противодействием установлению капитализма и выходом за пределы этого типа общества. Она, следовательно, будет связана с решением проблемы выбора между капиталистической и социалистической альтернативой, которая отнюдь не является делом прошлого.

Относительно перспектив модели элитистской демократии следует сказать следующее. Ее распространение в мире было связано с ответом транснациональной олигархии на рост требований демократизации со стороны народных масс третьего мира, вызвавших кризис авторитарного правления элит, и происходило параллельно с неолиберальной глобализацией. По своей сути, неолиберальная модель предполагает защиту “свободного рынка” от любого деструктивного с точки зрения логики прибыли вмешательства, включая государственную перераспределительную политику и революционные структурные преобразования. В этом смысле модель элитистской демократии, оставляющая вне своей сферы ряд социальных и экономических проблем и включающая в определение демократии наличие свободного рынка, выступает функциональным дополнением неолиберальной модели, обеспечивая элитам

социальный контроль над массами путем манипуляций их требованиями и смягчения политической напряженности, вызываемой ростом социального и экономического неравенства.

Однако ее возможности в этом плане не безграничны. Распространение элитистской демократии в третьем мире в свое время рассматривалось как средство преодоления кризиса авторитарной модели благодаря переходу к более гибкой и прочной системе социального контроля, основанной на консенсусном господстве элиты, которая позволит избежать нежелательных крайностей авторитарного, насильственного господства и в то же время не допустить радикальных социальных преобразований. Однако неолиберализация сама порождает нестабильность и, следовательно, условия для кризиса этой модели господства элит. Таким образом, этот тип режима может столкнуться со структурной невозможностью сдерживать выдвигаемые массами требования социальной справедливости и гасить причиняемые ею социально-политические конфликты. В Украине элитистская демократия и дальше будет оставаться весьма нестабильной формой правления, особенно в условиях вырвавшегося наружу в 2004 г. межэлитного раскола. Начавшийся кризис этой формы правления элит может разрешиться переходом как к какой-либо модели субстанциональной демократии, так и к открытому авторитаризму.

Литература

1. Попов А. Самые интересные выборы для американских конгрессменов. – www.news2000.com.ua/print/forum/923020770.html, 28.09.2007
2. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. – М., 2007.
3. Crouch C. Post-democracy. – Cambridge, 2004.